
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ВЛИЯНИЯ, СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 929 Пушкин А.С. + 929 Пастернак Б.Л. DOI: 10.31249/lit/2023.01.04

МАНЬКОВСКИЙ А.В.¹ Рецензия на кн.: ДОЛИНИН А. О ПУШКИНЕ, О ПАСТЕРНАКЕ : РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ. – Москва : НЛЮ, 2022. – 528 с.

Аннотация. В новой книге А.А. Долинина два раздела: один включает статьи *о Пушкине*, другой – *о Пастернаке*. Разделы, как поясняет автор в предисловии, объединены общностью задач: поиском источников, аллюзий, контекстов, служащих пониманию творчества Пушкина и Пастернака. Если в пушкинском разделе исследователь обращается к произведениям разных лет, среди которых «Обвал», «Анджело», «История Пугачевского бунта», «Капитанская дочка», то в пастернаковском – почти исключительно к двум книгам лирики, написанным практически одновременно: «Сестра моя жизнь» и «Темы и варьяции». В рецензии делается попытка оценить книгу А.А. Долинина в целом и проанализировать ее внутренние связи.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; Б.Л. Пастернак; крымская элегия; «шотландская строфа»; мистификация; «Обвал»; «Анджело»; «История Пугачевского бунта»; «Капитанская дочка»; «Сестра моя жизнь»; «Темы и варьяции».

Для цитирования: Маньковский А.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2023. – № 1. – С. 61–80. – Рец. на кн.: Долинин А.

---

¹Маньковский Аркадий Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, e-mail: arkadymankovsky@gmail.com

О Пушкине, о Пастернаке : работы разных лет. – Москва : НЛЮ, 2022. – 528 с. DOI: 10.31249/lit/2023.01.04

MANKOVSKY A.V.¹ Book review: Dolinin A. About Pushkin, about Pasternak : works of different years

Abstract. A. Dolinin's new book is divided into two sections: one includes articles on Pushkin and the other on Pasternak. Both sections, as the author writes in the preface, are united by a common task: the search for literary sources, allusions, and contexts that serve to understand the works of both Pushkin and Pasternak. Whereas in the first section the author studies Pushkin's works of different years, including "Avalanche" ("Obval"), "Angelo", "History of the Pugachev Rebellion", "Captain's Daughter", in Pasternak's section he entirely focuses on the two books of lyrics that appeared almost simultaneously: "My Sister – Life" and "Themes and Variations". The reviewer offers a way to understand the book as a whole held together by internal relationships.

Keywords: Alexander Pushkin; Boris Pasternak; Crimean elegy; *Scottish stanza*; mystification; *Avalanche (Obval)*; *Angelo*; *History of the Pugachev Rebellion*; *Captain's Daughter*; *My Sister – Life*; *Themes and Variations*.

To cite this article: Mankovsky, Arkadiy V. "Book review: Dolinin A. About Pushkin, about Pasternak: works of different years", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7 : Literary studies*, no. 1, 2023, pp. 61–80. DOI: 10.31249/lit/2023.01.04

Александр Алексеевич Долинин (р. 1947) – известный исследователь, свободно ориентирующийся в русской, английской и американской литературах; автор книг «История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели» (1988), «Истинная жизнь писателя Сирина» (2004; 2-е изд. – 2019), «Комментарий к роману Владимира Набокова "Дар"» (2019) и некоторых других (см. также примечания и «Список литературы» к данной рецензии). Лауреат

---

¹ **Mankovsky Arkadiy Vladimirovich** – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, e-mail: arkadyamankovsky@gmail.com

Международной премии имени Ефима Эткинда (2008). Ныне почетный профессор Университета штата Висконсин в Мэдисоне (США).

Выбор заглавных имен героев своей новой книги А.А. Долинин в предуведомлении к ней «От автора» объясняет «не аллитерацией на “П” их фамилий и даже не тем, что Пушкин занимал в творческом сознании Пастернака довольно важное место» [Долинин, 2022, с. 7], но общностью поставленных перед собой задач: «...выявление и исследование ранее незамеченных литературных источников, аллюзий и литературно-исторических контекстов, позволяющих уточнить, а в ряде случаев и изменить наше понимание рассматриваемых текстов» [там же].

И все же – почему именно Пушкин и Пастернак? Разве поставленные задачи нельзя было решать на материале творчества других писателей? Думаем, что в заглавии содержится отсылка к книге Л.С. Флейшмана «От Пушкина к Пастернаку» [Флейшман, 2006], выпущенной тем же издательством. Но если у Флейшмана преемственность подчеркнута; подразумевается, при всех оговорках, некоторая эволюция и охватывается материал *всей* русской литературы, пусть и с заметным перевесом в сторону тем XX в., – то в новой книге констатируется разрыв, или распад, «связи времен».

Темы новой книги А.А. Долинина продолжают, хотя бы отчасти (имеем в виду пушкинский раздел), темы его предыдущей книги, также изданной «НЛО» [Долинин, 2007]. В статье «Итальянские мотивы в поэме Пушкина “Анджело”» автор, резюмировав сказанное им прежде (см.: [Долинин, 2007, с. 135, 146–147]) и констатируя отсутствие местного итальянского колорита в поэме, обращается к монологу Клавдио о загробной участи (часть вторая, VI), которому он уже уделял внимание в статье «Пушкин и Англия» [Долинин, 2007, с. 40–41]. Вослед другим ученым¹ А.А. Долинин обнаруживает в монологе «реминисценции “Ада” Данте» [Долинин, 2022, с. 112]. Сопоставляя послуживший Пушкину образцом шекспировский текст монолога («Мера за меру», акт III, сцена 1), текст его французского перевода (им, наряду с

---

¹ Левин Ю.Д. Об источниках поэмы Пушкина «Анджело» // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1968. – Т. 27, вып. 3, май – июнь. – С. 257–258.

оригиналом, пользовался Пушкин¹) и текст монолога в поэме, автор выявляет «два ярких образа» [Долинин, 2022, с. 114], которых не было ни у Шекспира, ни в его французском переводе и которые привнес Пушкин: «немая мгла» и «кипящая смола» («...войти в немую мглу, / Стремглав низвергнуться в кипящую смолу»²). На второй из них, отсылающий к XXI песни «Ада», уже указывал Ю.Д. Левин³, а вот с первым дело обстоит сложнее. Метафорическое выражение «немая мгла», использовавшееся в русской поэзии и до Пушкина, см.: [Долинин, 2022, с. 115], хотя и вне связи с потусторонним миром, находит, по словам исследователя, аналог в образах «молчащего солнца» (*là dove 'l sol tace*⁴. – *Inferno*, I, 60) и «молчащего света» (*Io venni in luogo d'ogni luce muto*⁵. – *Inferno*, V, 28), соответственно, в первой и пятой песнях дантовского «Ада», где «немота / молчание» представляет собой «метафорический атрибут солнца или света, означая тьму» [Долинин, 2022, с. 115]. Эти образы, если верить исследователю, Пушкин ввел, «чтобы усилить едва намеченный итальянский фон “Анджело”» [Долинин, 2022, с. 117]. И все же не до конца понятно, как одно могло способствовать другому?

Последнему пушкинскому роману (другие исследователи считают его повестью⁶) в новой книге формально посвящена лишь статья «Еще раз о хронологии “Капитанской дочки”», впервые опубликованная в 1997 г.⁷, но перед ней в книге помещена пред-

---

¹ Shakespeare W. Œuvres complètes / traduites de l'anglais par Letourneur ; nouvelle éd., revue et corrigée par E. Guizot et A. P[ichot], traducteur de Lord Byron. – Paris, 1821. – Vol. 8. – P. 225–226.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Москва ; Ленинград, 1948. – Т. 5. – С. 123. [Цит. по: Долинин, 2022, с. 114].

³ Левин Ю.Д. Указ. соч. – С. 258.

⁴ «Там, где солнце молчит» (*итал.*).

⁵ «Я пришел туда, где безмолвен свет» (*итал.*).

⁶ См.: Гиллельсон М.И., Мушина И.Б. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» : комментарий. – Ленинград, 1977. – С. 6 и сл.

⁷ Пушкин и другие : сб. ст. к 60-летию проф. Сергея Александровича Фомичева. – Новгород, 1997. – С. 52–59. В конце рец. кн. помещен список, из двух разделов («О Пушкине», «О Пастернаке»), «Первые публикации статей, включенных в сборник» [Долинин, 2022, с. 503–504], что убедительно свидетельствует о качестве справочного аппарата книги.

ставленная в «новой, существенно переработанной и расширенной редакции» [Долинин, 2022, с. 7] статья «Историзм или провиденциализм? Пушкинская “История Пугачевского бунта” в контексте французской романтической историографии»¹: понять одно пушкинское произведение без другого вряд ли представляется возможным, или, как формулирует автор: «Идеальный читатель “Капитанской дочки” <...> должен <...> соотносить романические события, происходящие в условном времени фикации, с их историческими аналогами и прообразами» [Долинин, 2022, с. 204].

В статье «Вальтер-скоттовский историзм и “Капитанская дочка”», завершавшей книгу 2007 г., автор охотно присоединяется к тем исследователям, которые утверждают, что в своем последнем романе Пушкин, «оставив неизменными основные структурные принципы формульного жанра» [Долинин, 2007, с. 238] – исторического романа В. Скотта, думал превзойти его в искусстве, однако категорически оспаривает мнение, что, вступая в такое соревнование, «Пушкин безоговорочно принял взгляды Вальтера Скотта на детерминированность исторических процессов» [там же]. Эти взгляды, привлекавшие к В. Скотту внимание французских историков романтической эпохи², например О. Тьерри, чью «Историю завоевания Англии норманнами» (1825) Пушкин перечитывал в 1834 г., т.е. вскоре после окончания³ «Истории Пугачева», были ему вполне чужды. У Пушкина нет «типичного вальтер-скоттовского конфликта “старого” и “нового”» [Долинин, 2007, с. 243], как нет веры в прогресс.

В работе давались отсылки к первым вариантам статей о «Капитанской дочке» и об «Истории Пугачевского бунта» [Долинин, 2007, с. 243, 255, 258], которые в новой редакции появились в рецензируемой книге. Таким образом, статья об отсутствии «вальтер-скоттовского историзма» в «Капитанской дочке», по первоначальному плану, мыслилась, по всей видимости, как итоговая.

---

¹ Впервые на англ. яз. в: Slavic Review. – 1999. – Vol. 58, N 2, Summer. – P. 291–308.

² А впоследствии марксистских критиков, см.: [Долинин, 2007, с. 238–242].

³ См.: Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. – Москва, 1962. – Т. 7. – С. 387 (прим.).

Характеризуя взгляды упомянутых французских историков первой половины XIX в.: П. де Баранта, О. Тьерри, Ф. Гизо, Л.-А. Тьера, Ф. Минье, В. Кузена – в начале нового варианта статьи об «Истории Пугачевского бунта» («Историзм или провиденциализм?...»), автор не забывает еще раз отметить связь их концепций с романами В. Скотта [Долинин, 2022, с. 167, прим. 1]. Французские историки были учителями Пушкина и в вопросе «отбора источников и работы с ними» [Долинин, 2022, с. 166], и в «способах подачи “местного колорита”» [Долинин, 2022, с. 165]; вослед им и в отличие от Карамзина, Пушкин подчиняет свой «голос и видение источникам» [Долинин, 2022, с. 167], а не наоборот. Но, в отличие от «молодых» французских доктринеров и их эпигона Н.А. Полевого с его «Историей русского народа» (1829–1833), он «не пытается истолковать описываемые события <...>» [Долинин, 2022, с. 167]; Пугачевское восстание в его изображении предстает «чередой жестоких убийств, пыток, грабежей, изредка прерываемой актами случайного, необъяснимого милосердия» [Долинин, 2022, с. 178].

Общеизвестная формула из «Капитанской дочки» о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном»¹ – это ответ Пушкина новым историкам, которые представляли «революции, гражданские войны, крестьянские и городские восстания неизбежным, но и бесполезным злом <...>» [Долинин, 2022, с. 179]. Отсюда попытка отыскать в пугачевщине «смысл метаисторический, провиденциальный» [там же]. И здесь союзником Пушкина оказывается не Ф. Гизо и не О. Тьерри, а Ж. де Местр, в книге «Размышления о Франции» (1797) находивший во Французской революции мистический смысл.

В своей «Истории...» Пушкин приводит слова Пугачёва, сказанные на следствии: «Богу было угодно <...> наказать Россию через мое окаянство»². Так же думал и А.И. Бибиков, отправленный императрицей на усмирение мятежа. «Провиденциальные коды» [Долинин, 2022, с. 182], к которым прибегает автор «Исто-

---

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Москва ; Ленинград, 1938. – Т. 8, кн. 1. – С. 364.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Москва ; Ленинград, 1938–1940. – Т. 9. – С. 77.

рии...» в своем повествовании, свидетельствуют о парадоксальном единении Пугачёва, Бибикова и Пушкина в понимании событий. Таковы *невероятные происшествия* на грани чудесного, внушающие мысль о «вмешательстве высших сил в исторические события» [там же]: спасение часовых при обрушении колокольни в Яицкой крепости¹, приводящее на память цитату из 90-го псалма («...На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою...»); ср.: [Долинин, 2022, с. 184]; снятие осады с самой этой крепости на Страстной неделе²; эпизод освобождения Казани гусарами И.И. Михельсона после крестного хода с «чудотворными» иконами в осажденной цитадели города³. Во всех этих случаях Пушкин, по словам А.А. Долинина, подчеркивает «провиденциальные мотивы» [Долинин, 2022, с. 185], иногда сгущая детали тех документальных источников, которыми пользовался. Все они, а также случаи, засвидетельствованные «очевидцами», вроде обращения иноверца⁴ или раскаяния зачинщика восстания⁵, предопределяют центральное «чудо» «Истории...» – «избавление России от Пугачева» [Долинин, 2022, с. 189].

Вывод А.А. Долинина о преобладании «архаичных» тенденций [Долинин, 2022, с. 192] в пушкинском повествовании, отличающих его, с одной стороны, и от методов романтической историографии, и, с другой стороны, от «наивной исторической экзегезы Карамзина» [Долинин, 2022, с. 193], и – с третьей – от «отрицательного провиденциализма» [Долинин, 2022, с. 197] П.Я. Чаадаева, подтверждается, на взгляд исследователя, тем, как события восстания подаются Пушкиным в «Капитанской дочке». «Романная фабула, – писал ученый еще в статье из сборника 2007 г., – дала ему полную возможность представить те же события как ходы в “таинственной игре”» [Долинин, 2007, с. 258]. Или, как сформулировано в новой работе: «Если в историческом нарративе “провиденциальные случаи” теряются <...> то в сюжете ро-

---

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Т. 9. – С. 46.

² Там же. – С. 53–54.

³ Там же. – С. 63–64.

⁴ Там же. – С. 19.

⁵ Там же. – С. 80, 147–148.

мана, наоборот, судьбы главных героев избилуют такими случаями и их “странными сцеплениями”¹» [Долинин, 2022, с. 192].

Заключительный пассаж (кода) новой статьи переключается с кодой статьи из сборника 2007 г.: как «Капитанская дочка» способствовала не столько «становлению реализма в литературе» [Долинин, 2007, с. 258], сколько «славянофильской мифологизации русской истории» [там же], так и «История Пугачевского бунта» наметила «некоторые ориентиры для будущих сторонников концепции особого пути России, хотя никто из них, кажется, этого не заметил» [Долинин, 2022, с. 199].

Разговор о хронологии в последнем пушкинском романе, помещенный в новом сборнике следом за разговором об «Истории...» («Еще раз о хронологии “Капитанской дочки”»), в свете сказанного – необходимое следствие из обеих рассмотренных работ, хоть и предшествовал, первым изданием (1997), им обеим. Это еще один аргумент в дискуссии о вальтер-скоттовском историзме в романе. В статье из сборника 2007 г. автор писал: «Расходясь с вальтер-скоттовской моделью в изображении расколотого общества, Пушкин, по сути дела, отказывается и от обязательного для нее “среднего” героя, не привязанного ни к одному из враждующих лагерей. <...> Он (Гринев. – А. М.) напоминает наивных вальтер-скоттовских героев только в первых главах романа» [Долинин, 2007, с. 254]. И дальше – главный довод, со ссылкой на первый вариант статьи «Еще раз о хронологии...»: «В отличие от Вальтер Скотта, Пушкин дает своему герою достаточно времени, – целый год жизни в Белогорской крепости, – чтобы к началу гражданской смуты он успел <...> сформировать прочные привязанности, обрести опыт и знания» [Долинин, 2007, с. 255]. Довод направлен непосредственно против положений М. Цветаевой, утверждавшей в статье «Пушкин и Пугачев», что «<ш>естнадцатилетний Гринев судит и действует, как тридцатилетний Пушкин»².

В новом изводе старой статьи А.А. Долинин, имея в виду не только М. Цветаеву, но и последовавших за ней филологов (И.П. Смирнова, М.И. Гиллельсона и др.), не обинуясь утверждает,

---

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Т. 8, кн. 1. – С. 329.

² Цветаева М. Мой Пушкин. – [Москва], [1967]. – С. 126.

что «подобные умозаключения <...> основаны на недостаточно внимательном чтении пушкинского текста <...>» [Долинин, 2022, с. 201]. Опираясь на его данные (в частности, на такие «показания», как сезонная варка варенья, в начале романа, или, позднее, сушка грибов), автор демонстрирует, что «история Гринева и Марьи Ивановны оказывается хронологически непротиворечивой» [Долинин, 2022, с. 204]. Встреча с Вожатым во время бурана происходит поздней осенью 1772 г., а дуэль со Швабриным – летом 1773 г., и только в октябре – центральные события романа, связанные со взятием Белогорской крепости. Мало того, согласно нереализованному плану, который отразился в пушкинских рукописях, к началу восстания «Гринева должно было быть восемнадцать лет и <...>, следовательно, Пушкин хотел датировать начало романа не 1772-м, а 1771-м годом»¹ [Долинин, 2022, с. 208]. Но, обнаружив свою ошибку в «Истории Пугачевского бунта» (приурочение предыдущих волнений яицкого войска и их усмирения к 1771, а не к 1772 г.), Пушкин решил не повторять ее в романе.

Вообще хронология и размышления о ней занимают в трудах А.А. Долинина не последнее место, что демонстрируется самим расположением статей в каждом из разделов сборника. Статьи первого раздела, посвященного Пушкину, охватывают почти всю его творческую биографию – от крымских элегий до последних статей в «Современнике», – фокусируя внимание на отдельных значимых моментах. В статье «Еще раз о загадке Таврической звезды» развернут широчайший контекст, – принципиально *открытый*, т.е. имеющий тенденцию расширяться и дальше, – для восприятия последних строк стихотворения 1820 г. «Редет облаков летучая гряда...». Именно о них издавна ведутся споры: какую «оную деву» имел в виду здесь Пушкин («...И дева юная во мгле тебя искала, / И именем своим подругам называла»²)? Последовательно (но не по старшинству) перебирались кандидатуры трех из четырех дочерей генерала Н.Н. Раевского, в семействе которого жил Пушкин в 1820 г. в Гурзуфе: Елены (17 лет), Марии (16 лет),

---

¹ См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Т. 8, кн. 1. – С. 928.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Москва ; Ленинград, 1947. – Т. 2, кн. 1. – С. 157.

Екатерины (23 года). Важно, подчеркивает исследователь, чтобы имя «юной девы» фигурировало в известной Пушкину астрономике, так как она должна называть воспетую в том же стихотворении звезду «своим именем».

Такие соответствия есть у имен Марии и Елены. Звездой Марии в Средневековье считалась Полярная звезда (*Stella maris*), что, между прочим, красиво соответствует «названию альманаха, где элегия была впервые напечатана» [Долинин, 2022, с. 21]. Но «мариинская гипотеза», которой, в частности, придерживались П.Е. Щёголев и Вяч.И. Иванов, оказывается нерелевантной – прежде всего, потому, что Полярная звезда не настолько яркая, чтобы «осеребрить» пейзаж, нарисованный в стихотворении, что в нем специально отмечено¹.

Остается Елена. Присоединяясь к давней точке зрения П.К. Губера, апеллировавшего к античному мифу о превращении в звезду Елены Прекрасной², А.А. Долинин усиливает его аргументы ссылками на трагедию «Орест» Еврипида, «Естественную историю» Плиния, «Фиваиду» Стация, которые могли быть известны как Пушкину, так и Елене Раевской, по крайней мере во французском переводе; а также на «Сонеты к Елене» П. Ронсара, в одном из которых глаза возлюбленной сравниваются с роковой звездой, сулящей гибель мореплавателям. Однако звезда Елены, в отличие от звезд ее братьев – Диоскуров, не имела «конкретной астрономической привязки» [Долинин, 2022, с. 25], что давало повод подозревать под ней если не все что угодно, то, во всяком случае, многое – вплоть до Луны. Последнее применение кажется автору особенно любопытным: луна вполне сгодилась бы для освещения пейзажа в разбираемом стихотворении, «если бы не эпитет “вечерняя”, отсылающий к Венере-Весперу» [Долинин, 2022, с. 26], у изображенного здесь светила. Автор задается вопросом: не идет ли в стихах речь о «Венере, заgrimированной под луну» [Долинин, 2022, с. 29]? На возможность такого смешения, восходящего к античной лирике (16-я идиллия Биона), указывает хорошо знакомая Пушкину французская традиция от П. Ронсара до А. Шенье. Мо-

---

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Т. 2, кн. 1. – С. 157.

² Губер П.К. Дон-Жуанский список Пушкина : гл. из биогр. с 9 портр. – Петербург, 1923. – С. 77.

тивы, не находящие аналога во французской, перекликаются с английской предромантической поэзией, которая так или иначе, иногда через вторые руки, но тоже была воспринята Пушкиным. Учитывая все приведенные данные, автор склоняется к мысли, что из всех сестер Раевских только Елена могла претендовать на то, «чтобы считать Венеру <...> своей соименницей» [Долинин, 2022, с. 38].

Чаще всего автор в своей книге обращается к сюжетам, уже неоднократно привлекавшим внимание исследователей, – таким, о которых существует огромная литература (в этом смысле характерно словосочетание «Еще раз о...», встречающееся дважды в заглавиях пушкинского раздела). И каждый раз можно быть уверенным, что автором учтены все хоть сколько-нибудь значимые суждения его предшественников. Иногда для полноты картины не хватает какого-нибудь штриха, детали или звена, которые А.А. Долинин ищет и находит на наших глазах, свободно ориентируясь в собранном им огромном материале.

В четырех статьях пушкинского раздела, идущих вразброс среди других текстов, автор обращается к «восточным», и в том числе кавказскому, сюжетам, связанным с «Путешествием в Арзрум». Но за ними, как часто бывает, угадывается сюжет общеевропейский. Так, в статье «“Шотландская строфа” у Пушкина: (К творческой истории стихотворения “Обвал”»)» в центре внимания – датировка стихотворения, названного в подзаголовке, а также «фантастическая» картина в его последней строфе. Вопрос же датировки тесно соотнесен с вопросом о строфике: мог ли Пушкин заимствовать «бернсовскую» (или «шотландскую») строфу, которой оно написано, непосредственно у Роберта Бёрнса? Мнение А.В. Дружинина (1855), что – мог, не было принято пушкинистами («никаких свидетельств интереса Пушкина к Бернсу не существует» [Долинин, 2022, с. 44] – запомним эти слова!). Н.В. Яковлев (1917), В.Д. Рак (2003) считали, что у Пушкина был другой источник – стихотворение Барри Корнуола «A Sea-Shore Echo», к которому восходит и стихотворение «Эхо» (1831) Пушкина. Обходным путем автору удастся показать, что догадка Дружинина была верной. Промежуточным звеном в этом усвоении чужой формы мог послужить перевод И.И. Козловым стихотворения Бёрнса *To a Mountain Daisy, on Turning One down with the*

Plough in April 1786 («К полевой маргаритке, которую Роберт Бернс, обрабатывая свое поле, нечаянно срезал железом сохи в апреле 1786 года», 1829); Пушкин вступил с ним в соревнование. «Шотландская строфа» встречается и в эпиграфах из Бёрнса к романам Вальтера Скотта, да и в поэтических творениях последнего, которые Пушкин, несомненно, знал.

Именно «шотландский» колорит названных авторов мог подсказать Пушкину тему «Обвала», связанную с Кавказом. Описанная здесь внезапная остановка течения реки под действием горной лавины становится и темой поздней вставки в «Путешествие в Арзрум»¹, которая имеет свою историю [см.: Долинин, 2022, с. 57–64]. Та же природная аномалия описана и в наброске конца 1829 г. «Меж горных <стен> <?> несется Терек...»², по мнению исследователя, прямо предварившем работу над «Обвалом». («Шотландская строфа» с ее динамическим построением могла дать теме новый поворот.)

Вывод из всех этих и некоторых других данных относительно датировки «Обвала», однако, отрицательный: «...точное время и место его создания мы, боюсь, определить никогда не сможем» [Долинин, 2022, с. 66]. Так что приходится довольствоваться «пределенно широким интервалом датировки» [там же]: 24 мая 1829 – 30 октября 1830 г., – мало что добавляющим к традиционным (Н.В. Измайлов³) представлениям.

Это умение сделать шаг назад, отступив к привычному, является драгоценную черту в исследованиях А.А. Долинина, как и умение признать свою ошибку. В *Postscriptum*'е к рассмотренной статье, ссылаясь на новые атрибуции⁴, подтверждающие непосредственное знакомство Пушкина с поэзией Бёрнса, он признает, что его утверждение противного (см. выше) «ошибочно и нужда-

---

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Т. 8, кн. 1. – С. 453.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Москва ; Ленинград, 1948. – Т. 3, кн. 1. – С. 201.

³ См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937 : в 17 т. – Т. 3, кн. 1. – С. 1196.

⁴ Пильщиков И.А. Из заметок об иноязычных записях Пушкина : Пушкин и Бёрнс // Русская литература. – 2012. – № 1. – С. 87–92.

ется в корректировке» [Долинин, 2022, с. 68]. Понятно, однако, что новые доводы лишь усиливают аргументацию статьи.

Таким же энциклопедизмом, исследовательской смелостью и скрупулезностью отличаются и три другие работы, тяготеющие к «Путешествию в Арзрум»: «Гяур под маской янычара : о стихотворении Пушкина “Стамбул гяуры нынче славят”»; «*Dichtung und Wahrheit* Пушкина : “грибоедовский эпизод” в “Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года”»; «Кавказские врата : Дарьяльское ущелье в “Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года”». Полнота понимания, непротиворечивость складывающейся картины – лучшие доказательства верности метода. Поиск слабого звена, мешающего насладиться этой полнотой и непротиворечивостью, в том числе и в указанных статьях, порой приводит автора к ревизии прежних представлений, а порой – к расширению и углублению традиционного взгляда.

Обратимся к работе, завершающей пушкинский раздел: «Как понимать мистификацию Пушкина “Последний из свойственников Иоанны Д’Арк”». Перебрав все существующие интерпретации последнего произведения Пушкина¹ (Н.О. Лернер, Б.В. Томашевский, Д.Д. Благой, С.А. Фомичев и др.), А.А. Долинин приходит к заключению, что до сих пор мало внимания было обращено на «жанровую природу текста» [Долинин, 2022, с. 215]. Правильно ли называть его «пастишем», как делает большинство исследователей? По словам автора, здесь отсутствует обязательная для этого жанра, а также для жанра пародии «установка на имитацию чужого стиля» [Долинин, 2022, с. 217]. А.А. Долинин считает, что перед нами мистификация (а давно уже выяснено, что «Последний из свойственников Иоанны Д’Арк» – мистификация) «смешанного типа» [Долинин, 2022, с. 228], «мистификация-памфлет» [Долинин, 2022, с. 232]: Пушкин мистифицирует читателей с тем, чтобы быть разоблаченным, однако не тотчас и не всеми (так, собственно, и получилось: мнимую переписку Вольтера с последним из не прямых потомков Жанны д’Арк, г. Дюлисом, якобы возмущенным «Орлеанской девственницей», почти 100 лет принимали за перепечатку из английской прессы).

---

¹ Автор относит его к декабрю 1836 – началу января 1837 г. [Долинин, 2022, с. 229, прим. 1].

«Послание», которое заключает в себе мистификация, было адресовано друзьям и, через их головы, потомкам: обратив внимание на «французско-голландское <...> происхождение» [Долинин, 2022, с. 228] одного из самых известных изданий «Орлеанской девственницы» (1765), читатели должны были сопоставить его с французско-голландским происхождением семьи Дантеса – Геккерна, оскорбившей Пушкина. Конфликт предстал «как своего рода моралите» [Долинин, 2022, с. 230]: «трусости и хитроумному цинизму» [Долинин, 2022, с. 231] Вольтера – Геккерна противостояли «благородное простодушие» [Долинин, 2022, с. 230] и честность Дюлиса – Пушкина.

Согласно А.А. Долинину, статью «Последний из свойственников...» вместе с незаконченной статьей «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”»¹, что предназначались Пушкиным в один и тот же номер «Современника», следует рассматривать «как две взаимосвязанные и взаимодополнительные части единого плана объяснения с современниками и “потомством”, который Пушкин наметил <...> с расчетом на длительную борьбу за свою репутацию» [Долинин, 2022, с. 234].

Статьи второго, пастернаковского раздела сборника по хронологическому охвату событий творческой биографии поэта (но только в этом отношении!) уступают пушкинскому: пристальный интерес автора вращается почти исключительно вокруг двух книг лирики – «Сестра моя жизнь» (1917–1922) и «Темы и варьации» (1916–1922). Обращает внимание терминологическая перекличка самих названий статей: «О некоторых *подтекстах* стихотворения “Тоска”», «“Уроки английского” : текст и его *подтексты*»; «Темные *аллюзии* в стихотворении “Клеветникам”», «*Аллюзии* в цикле Пастернака “Разрыв”» (выделено мной. – А. М.). Автор как бы бьет в одну точку («Как в пулю сажают вторую пулю...») – и выстрелы его, по большей части, достигают цели.

К стихотворению «Тоска» в первой из названных статей, вопреки обыкновению, А.А. Долинин обращается как раз потому, что исследователи не уделяли ему должного внимания. В первой

---

¹ См. работу «Пропущенная цитата в статье Пушкина “О Мильтоне и шатобриановом переводе “Потерянного рая”» в предыдущем сб. автора: [Долинин, 2007, с. 216–225].

строфе, которая оказывается в противоречии с «заглавным словом стихотворения» [Долинин, 2022, с. 236], так как в ней говорится о преодолении тоски, как правило, видят ассоциацию с «Книгой джунглей» и ее продолжением – «Второй книгой джунглей» Р. Кипплинга, однако автор возводит ее первую часть к Библии. Строка «Пустыни сипли» (вторая по счету) – метонимия знаменитого библейского: «глас вопиющего в пустыне» (Ис 40:3); есть в Библии образы и еще более близкие (Второзак 32:10). Начало третьей строки «Ревели львы...» – также соотносится с Библией, а вот ее конец и вся четвертая строка («...и к зорям тигров / Тянулся Кипплинг»)¹ – со «Второй книгой джунглей», с новеллой «Как пришел страх», в которой рассказано о «грехопадении» первого тигра («зорях тигров»).

Библейские и кипплинговские ассоциации пронизывают и другие строфы. Так, в заключающей вторую строфу эллиптическом двустиишии «Качались, ляская и глядясь / Иззябшей шерстью»² подразумеваются, по-видимому, некие «звери тоски» [Долинин, 2022, с. 245], также каким-то образом связанные с обеими «Книгами джунглей» (может быть, прикидывает автор, «горные лангуры» из рассказа «Чудо Пурун Бхагата»? Или «бандерлоги» из рассказов о Маугли?). Важно, что «тоска у Пастернака в принципе амбивалентна (и потому <...> связана с мотивом качания)» [Долинин, 2022, с. 247–248].

В третьей строфе, по мнению А.А. Долинина, происходит преобразование тоски; «стихи вне ранга»³, которые упоминаются во второй строке, – это, как он настаивает, стихотворения, исключенные из «Сестры моей жизни» и попавшие в «Темы и варьации».

Финал также соотносим и с «Книгами джунглей», и с Библией («И в джунглях сырость панихиды / И фимиама»⁴). В последнем случае, прежде всего, с образом «сестры-невесты Песни Песней» [Долинин, 2022, с. 250], с которым неразлучны запахи благовоний – «мирра и фимиама» (Песн 3:6).

---

¹ Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с прил. : в 11 т. – Москва, 2003. – Т. 1. – С. 116.

² Там же.

³ Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с прил. : в 11 т. – Т. 1. – С. 116.

⁴ Там же.

Как видим, автор при необходимости легко меняет оптику и готов скрупулезно, чуть не под микроскопом, рассматривать каждое слово стиха, помещая его в соответствующий контекст.

Отталкиваясь от классической работы К. О'Коннор¹, автор в статье «“Уроки английского” : текст и его подтексты» пытается иначе, чем принято, взглянуть на стихи, вынесенные в заглавие. Словосочетание «Псалом плакучих русл» в заключительной строке второго четверостишия представляет собой, как указывает А.А. Долинин, «сращение двух разнородных метонимий» [Долинин, 2022, с. 255]; значение тропа проясняет песня Дездемоны «про иву» у Шекспира («Отелло», акт IV, сцена 3) и ее перевод И.И. Козловым (1830). Кроме того, в строке, по мысли автора, содержится отсылка к 136-му псалму («На реках Вавилонских»), где есть образ вербы: «...верба и ива, – отмечает он, – это, по сути, одно и то же растение» [Долинин, 2022, с. 254].

С другой стороны, ива, которую упоминает королева Гертруда в рассказе о смерти Офелии («Гамлет», акт IV, сцена 7), в заключительной строке четвертой строфы стихотворения «трансформируется в охапку верб в ее руках» [Долинин, 2022, с. 258]. И верба, и чистотел, которые Пастернак вложил в руки умирающей героини, каждое растение по-своему, сопряжены с идеей «возрождения, воскресения из мертвых» [Долинин, 2022, с. 264].

Однако слово «верба», полагает А.А. Долинин, может быть соотнесено и с английским *verb* (глагол), что немаловажно для смысла стихотворения. Автор не исключает, что Пастернак мог сознательно пользоваться «приемом, который <...> Г.А. Левинтон² называет “билингвистическим каламбуром”» [Долинин, 2022, с. 265]. В разбираемом стихотворении он обнаруживает «еще несколько слов, которые могут быть прочитаны как английские» [там же]. Например, деепричастие «Дав» («Дав страсти с плеч отлечь...»), которому соответствует английское *dove* (голубка); су-

---

¹ O'Connor K.T. Boris Pasternak's «My Sister – Life»: the illusion of narrative. – Ann Arbor, 1988. – P. 72–77.

² См.: Левинтон Г.А. Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния : (язык как подтекст) // Вторичные моделирующие системы : [сб. ст.]. – Тарту, 1979. – С. 30–33; др. работы автора на эту тему приведены в: [Долинин, 2022, с. 265, прим. 1].

ществительное «стан» («...стан свой любящий...»), поставленное им в параллель с английским *stun* (оглушить) и т.д. Рассуждения автора по этому поводу, обаянию которых поневоле поддаешься, все же озадачивают своей произвольностью. Разве недостаточно было бы ограничиться точным и конкретным наблюдением, что «доля односложных знаменательных слов в стихотворении необычайно велика» [Долинин, 2022, с. 265] и это само по себе создает «впечатление, что Пастернак имитирует строй английской поэтической речи» [Долинин, 2022, с. 266]? То, что закономерно искать у Мандельштама («Фета жирный карандаш» как образец «билингвистического каламбура»¹ [Долинин, 2022, с. 267]) или даже, если угодно, у Пушкина, кажется неуместным у Пастернака; эти «вчитывания» чем-то напоминают имитацию английской речи Понт Кичем – персонажем «Бани» Маяковского: «Асеев, бегемот, дай в долг, лик избит, и стоимость снизилась май пуд часейшен...»².

Кстати, последняя статья пастернаковского раздела – «Где спрятан Маяковский? (Заметки об устройстве “Тем и варьяций”»)» – посвящена, в частности, отношениям Пастернака с автором «Облака в штанах». Статья делится на два приблизительно равных по объему параграфа: первый отдан обсуждению «устройства» книги «Темы и варьяции», второй – Маяковскому, и не только ему. Единство книге Пастернака, по словам А.А. Долинина, придают «основные повторяющиеся мотивы» [Долинин, 2022, с. 315], среди них: «военный» [Долинин, 2022, с. 304], вводящий темы прошедших войн и революций; «пивной» [Долинин, 2022, с. 309], апеллирующий к теме моря и творчества, понятого в «дионисийском» ключе; а также «глазной» [Долинин, 2022, с. 306] («глазной белок» Маргариты; «око» Земфиры и т.д.) и такой экзотический, как «лилово-свинцовый» [Долинин, 2022, с. 307], встречающийся в самых разных значениях – от «зерен лиловой слюды / В свинцовых ободьях»³ в стихотворении о Шекспире до «мрака лилового», который

---

¹ Fett (*нем.*) значит «жирный». Об этой строке Мандельштама см. в: Левинтон Г.А. Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния: (язык как подтекст). – С. 32–33.

² Маяковский В. Соч. в одном томе. – Москва, 1940. – С. 486.

³ Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с прил. : в 11 т. – Т. 1. – С. 168.

в то же время «неподернуто-свинцов»¹, в одном из цикла стихотворений о Пушкине.

Перечисленные мотивы связаны с образами Шекспира и Пушкина в «Темах и варьяциях», а также с образами из их произведений и произведений Гёте. Маяковский же, по мнению исследователя, присутствует в книге как один из «современных “анти типов”» [там же] трех названных «столпов европейской поэзии» [Долинин, 2022, с. 315]. Еще Е.Б. Пастернак писал, что в образе Шекспира из одноименного стихотворения «емко и лаконично переданы характерные детали поведения и внешнего облика Маяковского <...>»² [цит. по: Долинин, 2022, с. 317]. А.А. Долинин, однако, считает, что черты «горлана-главаря» отразились скорее в безымянном собутыльнике Шекспира – том, что в стихотворении «бреясь, гогочет, держась за бока»³: отношение к нему Шекспира столь же неоднозначно, как и отношение к Маяковскому Пастернака в пору создания стихотворения (начало 1919 г.). Следы творческого диалога с Маяковским обнаруживаются и в стихотворении «Может статься так, может иначе...» (1918): здесь Пастернаком «разыгрываются излюбленные темы раннего Маяковского – темы безумия, отчаяния, тоски, болезни, бреда, одиночества, самоубийства» [Долинин, 2022, с. 327]. Есть они (следы) и в еще одном стихотворении из цикла «Болезнь» – «С полу, звездами облитого...» (1918) (речь идет о «звериных образах» [Долинин, 2022, с. 328] в этих стихах и стихах Маяковского).

Напомнив этапы сближений и охлаждений обоих поэтов в 1918–1922 гг., А.А. Долинин подытоживает: реминисценции из Маяковского в стихах Пастернака «свидетельствуют о том, что к завершению работы над “Темами и варьяциями” Пастернак “переболел” Маяковским и окончательно освободился от его “мурлыка-

---

¹ Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с прил. : в 11 т. – Т. 1. – С. 173.

² Пастернак Е.Б. Борис Пастернак : материалы для биографии. – Москва, 1989. – С. 338. Ср.: Пастернак Е.В. «Ты – царь, живи один...». К истории отношений Пастернака и Маяковского // Пастернаковские чтения. Исследования и материалы. – Москва, 2015. – Вып. 3. – С. 175–176.

³ Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с прил. : в 11 т. – Т. 1. – С. 168.

нья”¹» [Долинин, 2022, с. 331]. Отношение к Маяковскому и его роли в биографии и творчестве Пастернака, как видим, сдержанно отрицательное.

В «Приложении» к рецензируемой книге напечатан «с некоторыми изменениями» [Долинин, 2022, с. 8], в сравнении с первой публикацией², обширнейший и обстоятельнейший комментарий А.А. Долинина к «Моцарту и Сальери» Пушкина. По словам самого автора во введении к книге, этот комментарий, включающий «много ранее неизвестных сведений о происхождении легенды, приписавшей Сальери убийство Моцарта, и об источниках и аллюзиях пушкинского текста» [Долинин, 2022, с. 8], не был по достоинству оценен критикой. В работе, как специально оговаривает автор, учтен не только давний комментарий М.П. Алексеева³, но и новейший – М.Н. Виролайнен, при участии Б.А. Каца и Т.А. Китаниной⁴. Она, конечно, заслуживает отдельного разговора и, надемся, еще будет обсуждаться в пушкинистике, чего мы автору от души желаем. Отметим лишь, что в построчном комментарии к «маленькой трагедии», идущем непосредственно за солиднейшей преамбулой к нему, странным образом остались не прокомментированными самые первые стихи монолога Сальери, открывающие действие, которые были особенно любимы А.И. Герценом⁵: «Все говорят: нет правды на земле. / Но правды нет – и выше. <...>» [цит. по: Долинин, 2022, с. 334]. Неужели они не важны для понимания образа Сальери? Или о них сказано так много, что совре-

---

¹ Отсылка к строкам из стихотворения «Может статься так...»: «В шубе, в креслах Дух и мурлычет – и / Все одно, одно всегда» (Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с прил. : в 11 т. – Т. 1. – С. 178). А.А. Долинин связывает их с «искушением самоубийством» [Долинин, 2022, с. 325].

² Пушкин А.С. Сочинения : комментированное издание / под общ. ред. Д.М. Бетеа. – Вып. 3 : Стихотворения из «Северных цветов» 1832 года / ред. А. Бодрова, А. Долинин. – Москва, 2016. – С. 33–171.

³ Алексеев М.П. Моцарт и Сальери. [Комментарии] // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : [в 17 т.]. – Москва ; Ленинград, 1935. – Т. 7 : Драматич. произв. – С. 523–546.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 20 т. – Санкт-Петербург, 2009. – Т. 7 : Драматич. произв. – С. 777–813.

⁵ См.: Герцен А.И. Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле // Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. – Москва, 1956. – Т. 7. – С. 330.

менному комментатору только и остается, что обойти их молчанием? Это и подобные соображения, впрочем, не могут помешать любителю отечественных классиков и внушительных комментариев к их текстам насладиться одним из лучших образцов такого рода исследований. То же относится и к книге в целом.

Список литературы

1. *Долинин А.* О Пушкине, о Пастернаке : работы разных лет. – Москва : НЛО, 2022. – 528 с.
2. *Долинин А.* Пушкин и Англия : цикл статей. – Москва : НЛО, 2007. – 280 с.
3. *Флейшман Л.* От Пушкина к Пастернаку : избранные работы по поэтике и истории русской литературы. – Москва : НЛО, 2006. – 784 с.